

«МНОГО! МНОГОО! МНОГОО!»  
Финская выставка в Петрограде в 1917 г.<sup>1</sup>

БЕН ХЕЛЛМАН

На выставках «Мира искусства» в 1898 и 1899 гг. работы финских художников, в том числе Альберта Эдельфельта, Аксели Галлен-Каллела и Магнуса Энкеля, занимали видное место. Этому придавались большое значение, но надежды на дальнейшее сотрудничество не оправдались. В своем дневнике А. Н. Бенуа возлагал вину на финнов: несмотря на приглашения, они «из патриотической солидарности» воздержались от дальнейшего участия в выставках «Мира искусства» [Бенуа 2003: 187]. Почти через двадцать лет после первых совместных выставок русские и финские художники опять встретились — в апреле 1917 г., когда работы около 40 финских художников экспонировались на петроградской «Выставке финского искусства». Недавняя Февральская революция придала выставке особое значение: и вернисаж, и последовавший за ним банкет вылились в знаковые встречи приезжих финских художников и русской политической и художественной элиты. Полагали, что это — начало новой эры дружбы, но на самом деле событие стало прощальным праздником совместной истории.

Инициатором «Выставки финского искусства» была владелица петроградского художественного салона Надежда Добычина<sup>2</sup>. «Художественное бюро Н. Е. Добычиной» со дня сво-

---

<sup>1</sup> Расширенная версия статьи опубликована на финском языке в журнале “Idäntutkimus” (2002. № 4. С. 27–40).

<sup>2</sup> Стренгелл предполагал, что инициатором выставки был Максим Горький [Strengell], но его предположение было опровергнуто. Горький поддержал проект, но о плане он узнал *post factum* [Нб1 1916а]. Впоследствии инициатором называлась и секретарша Добычиной, Эльза Радлова. Мысль о финляндской выставке в Петрограде возникала и в других контекстах. Например, некий

его образования в 1911 г. было одним из важных центров художественной жизни Петербурга [Казанская]. В помещении по адресу «Марсово поле, 7» организовывались не только выставки «Мира искусства», представители авангардного искусства также имели возможность продемонстрировать там свои работы. «Выставка финского искусства» стала первой экспозицией зарубежных художников, но в дальнейшем предполагалась и демонстрация скандинавского и дальневосточного искусства [Strengell].

Ранней весной 1916 г. Н. Е. Добычина вместе с финским скульптором Альпо Сайло пришла в «Атенеум», финскую национальную галерею, и предоставила директору, Густафу Стренгеллу, свой план большой финской выставки в Петрограде. Стренгелл заинтересовался и созвал Общество художников Финляндии, Салон «Паллас», группу «Септем», Общество скульпторов и Клуб архитекторов для обсуждения русского плана [Там же]. Идея была встречена с энтузиазмом. Финская культура попала в изоляцию из-за войны, и, кроме того, с точки зрения финнов, Россия представляла собой огромную, но почти неосвоенную область. Критик Людвиг Веннервирта открыто заявил, что уже пора ориентироваться не только на Швецию, но и на восток и связаться с художественным миром России. Из-за экономического кризиса момент был не самым удачным, но в перспективе инвестиция станет рентабельной, предполагал Веннервирта [Wennerwirta].

Предложенное Добычиной время экспозиции, то есть поздняя осень того же года, совпадало с большой выставкой финского искусства в Стокгольме и поэтому петроградскую выставку пришлось перенести на апрель 1917 г. [Strengell]. Из-за Февральской революции художественный проект превратился и в праздник политической свободы и национального братства. Накануне встречи в Петрограде правление Общества художников Финляндии послало поздравительную телеграмму в «Мир искусства» [DP 1917a]. Председатель правления Маг-

---

«А. И.» предложил в «Биржевых ведомостях» устроить подобную выставку после посещения «Атенеума» осенью 1916 г. [К. С.]

нус Энкель выразил пожелание, чтобы «великий русский гений» раскрылся столь же великолепно в политической и общественной жизни, как до сих пор в науке, искусстве и литературе [Бенуа 1917]. Бенуа ответил от имени «Мира искусства», что духовная поддержка финнов в настоящий момент жизненно важна для русских. Как и финская природа, финское искусство могло укрепить тело и дух, так как в нем — «здоровье и правда». В Финляндии искусство развивалось в нормальных условиях, и поэтому оно было глубоко национальным и демократическим. От имени своих соотечественников Бенуа пожелал, чтобы сотрудничество, прерванное из-за царской политики угнетения, теперь осуществилось на прочной основе [Там же].

На какую рецепцию новое финляндское искусство могло надеяться в русской столице? С этим вопросом газета “Hufvudstadsbladet” [Hbl: 1917b] обратилась к четырем известным русским художникам. В своих ответах А. Бенуа, Н. Шмаков, Осип Браз и И. Е. Репин утверждали, что интерес — большой и что финны будут встречены с распростертыми объятиями. Бенуа, вероятный кандидат на планируемый (но не утвержденный) пост министра культуры, вспоминал об успехах финских художников в Петербурге в 1890-е гг. и сожалел, что добрососедские связи впоследствии оборвались. О новом финляндском искусстве он слышал много хорошего. Особенно хвалили Тико Саллинену.

Н. Шмаков, художник «Мира искусства», также проявил особый интерес к Саллинену. Кроме того, он предполагал, что народные мотивы Юхо Риссанена, «прекрасные акварели» Ю. Мякеля и картины Маркуса Коллина получат признание в Петрограде. О. Браз, график и эксперт Эрмитажа, часто бывавший в Финляндии, ответил на вопрос газеты: «В России восхищаются северным духом и очаровательным пейзажем, который можно найти именно в Финляндии». Среди финских художников он выделил Галлена-Каллелу, Энкеля и Ээро Ярнефельта. Браз пообещал, что финляндскому искусству будет отведено видное место в планируемом (но не осуществленном) новом художественном музее на Екатерининском канале. У Репина было очень выгодное представление о новом фин-

ляндском искусстве, и он был уверен, что на открытии выставки появится большое число русских художников [Hbl: 1917b].

На вернисаже финской выставки и на банкете Репин так и не появился, но в списке покровителей стояло и его имя. Список был длинный и внушительный [Выставка: 3]. Русское изобразительное искусство представили, в частности, Н. И. Альтман, А. Н. Бенуа, И. Э. Грабарь, А. П. Остроумова-Лебедева, Н. К. Рерих, Н. П. Шмаков и К. А. Сомов, музыку — А. К. Глазунов, С. С. Прокофьев, Ф. И. Шаляпин и А. И. Зилоти и литературу — Л. Н. Андреев и М. Горький. По инициативе Добычиной в почетный комитет также входили представители нового политического руководства России — А. Ф. Керенский, Ф. И. Родичев, П. Н. Милуков и В. Д. Набоков. В списке также стояли имена ветеранов революционной борьбы — В. Н. Фигнер и Н. Е. Буренина. Состав имен не был случайным, у большинства были давние близкие связи с Финляндией.

Собрать работы для выставочной коллекции было сложно из-за беспокойного времени. Финские музеи, галереи и частные коллекционеры боялись отправлять произведения искусства в революционный Петроград<sup>3</sup>. В помещения «Атенеума» все-таки собрали 291 произведение 39 художников для отправки в Россию. Галлен-Каллела, Халонен, Энкель, Хуго Симберг и Вилле Валлгрэн, получившие персональные приглашения<sup>4</sup>, не смогли принять участие, но в целом список имен включал в себя самых видных современных художников Финляндии. Хорошо были представлены на выставке Виктор Вестерхольм, Ээро Ярнефельт, Юхо Риссанен, Маркус Коллин, Вернер Томе, Микко Ойнонен, Эллен Теслефф и Тико Саллинен. Несколькими произведениями были представлены художники

<sup>3</sup> Антти Фавен в выставке не участвовал. У него должна была пройти одновременно персональная выставка в Петрограде, но его картины были возвращены в Гельсингфорс из-за революционных беспорядков в России [DP 1917b].

<sup>4</sup> В то же время планировалась отдельная выставка финской скульптуры, где должны были экспонироваться около 60 работ В. Валлгрена [Hbl 1916b]. План не осуществился.

Альфред Финч и Алвар Кавен. Хейкки Тандефельту было поручено выбрать достойных среди молодых, независимых художников. Среди последних можно назвать Хелен Шерфбек, Рагнара Экелунда и Ээро Нелимаркку. Из скульпторов участие приняли Альбин Каасинен, Вийви Паармио, Инто Сакселин и Альпо Сайло, а Вийви Эклунд, Элин Юселиус и Герда Теслефф представляли финляндское прикладное искусство [Hbl: 1917c].

Юхо Риссанен приехал на несколько недель ранее других для ознакомления с выставочным помещением [HS: 1917a; Hbl: 1917a; Wennerwirta]. Вместе с Тико Саллиненем он также отвечал за конечное оформление выставки [Hbl: 1917c]. Аксель Хаартман и Алвар Кавен, приехавшие в Петроград за день до вернисажа, смогли только констатировать, что все было хорошо подготовлено. В квартире Добычиной, расположенной в том же здании, был накрыт пасхальный стол, и финских гостей пригласили угощаться лакомствами вместе с русскими коллегами. После обеда Шмаков сел за пианино и поочередно играл русские и финские композиции, пока другие пили чай, курили и ели конфеты. Беседа, однако, шла туго. Смешение языков было просто безнадежным, жаловался Хаартман в “Hufvudstadsbladet” [A. G-s: 1917a]. Ослабление контактов соседних народов коснулось, в частности, изучения языка, и не только Хаартману, но и другим было досадно за свое незнание русского.

Вечером поехали от Добычиной на Финляндский вокзал, чтобы встретить там главную группу финских гостей. Газета «Речь» [Речь 1917a] заранее сообщила о приезде «важных представителей Финляндии», и на вокзале уже стояло несколько русских художников и местных финнов, среди них барон Теодор Бруун, начальник Финляндской паспортной экспедиции. Из гельсингфорского поезда вышла большая группа финских художников: Галлен-Каллела со своим сыном Ёрма, Ээро Ярнефельт с женой, Магнус Энкель, Альберт Финч, Альпо Сайло и Вилле Валлгрэн со своей невестой Вийви Паармио. Дирижер Роберт Каянус, участвующий в качестве представителя финляндской музыки, рассказал журналисту, что поезд-

ка была «чрезвычайно веселой»: уже в поезде царило «товарищеское настроение». Скульптор Сайло решил присоединиться к компании в последний момент, без багажа и без нужных документов, но русскому пограничнику хватило удостоверений остальных, что «Сайло — хороший парень» [Hassan].

В петроградских гостиницах не было свободных номеров, и финские гости разместились у русских хозяев. Каянус всю неделю жил у Бенуа [Hassan], а Галлен-Каллела был гостем Горького [Gallen-Kallela-Sirén: 400]. У Шмакова были влиятельные знакомые, и ему удалось достать чистокровных рысаков и пять черных закрытых дрожжек из бывшей царской конюшни. В них финнов отвезли к местам их ночлега через город, где еще были видны следы революционной борьбы.

Вернисаж состоялся в понедельник 3(16) апреля, на второй день Пасхи. Уже при входе в дом было видно, что открытие выставки не являлось исключительно художественным событием. Финляндский красно-желтый герб со львом украшал знамена и плакаты у двери, и когда финляндская группа приехала на царских дрожках, оркестр Измайловского полка заиграл «Марш Бьернеборгского полка» (“Björneborgarnas marsch”). В залах толпились «длинноволосые художники, молодые барышни в своеобразных туалетах, писатели, профессора, коммерсанты, члены финляндской колонии» [A. G-s 1917b]. В толпе можно было увидеть госпожу Керенскую, В. Д. Набокова и графа Д. И. Толстого. Галлен-Каллела и Горький вели оживленную беседу. Присутствовала и группа московских футуристов, среди них Д. Д. Бурлюк [A. G-s 1917b], О. М. Брик и В. В. Маяковский. С ними был и молодой Роман Яacobсон, приехавший в Петроград для участия в съезде Конституционно-демократической партии [Jangfeldt: 135]. В окружении русских художников — Браза, Шмакова, Сомова, Альтмана, Н. К. Рериха и Н. Э. Радлова — стояли Риссанен, «серьезный и солидный, как пробст, в своем длинном рединготе», и Вилле Валлгрэн со своими орденами на фраке [A. G-s 1917b]. Среди местных финнов можно было увидеть барона Брууна и Хуго

Бакманссона, известного в России в качестве портретиста и батального художника.

Прием финляндской делегации получил характер государственного визита, но почетных мест гостям все-таки не было отведено. По приглашению Добычиной на мероприятие пришли двое ветеранов революционного движения, что придало вернисажу откровенно политический оттенок. В газете “Hufvudstadsbladet” Хаартман так описал ситуацию:

Вдруг сквозь толпы прошел как будто электрический ток, оркестр заиграл «Марсельезу», и в сопровождении мадам Добычиной через дверь входит маленькая, хрупкая госпожа с гладко причесанными седыми волосами. На ее бледном и худом лице — ласковая улыбка, и она почти смущенно благодарит за аплодисменты [А. G-s 1917b].

Это была 65-летняя В. Фигнер, которой пришлось провести 20 лет в одиночной камере и которая только сейчас смогла вернуться в Россию из-за границы. Вслед за ней в салон вошли министр иностранных дел Временного правительства Миллюков, комиссар по делам Финляндии Родичев и Бенуа.

Но среди собравшихся еще господствует словно настроение ожидания, и молодые финские художники стоят вместе в одной группе, готовые поспешить навстречу тому гостю, которого мы все напряженно ждем. Из вестибюля слышен пронзительный женский голос, и когда мы подходим к двери, мы видим «бабушку русской революции», Е. К. Брешко-Брешковскую, которая, поддерживаемая двумя женщинами, тяжело поднимается по лестницам. Сгорбленная, крепко сложенная старушка, у которой на голове большой платок и на нем — черная, мягкая фетровая шляпа [А. G-s 1917b].

Под звуки «Марсельезы» Брешко-Брешковская появилась перед публикой, которая полукругом собралась вокруг нее и приветствовала криками «ура» и пятиминутными аплодисментами.

73-летняя Екатерина Брешко-Брешковская провела полжизни в тюрьме и в ссылке за революционную деятельность. Несмотря на свой солидный возраст, она после Февральской революции активно участвовала в политической жизни. На

французскую приветственную речь Валлгрена Брешко-Брешковская ответила «на прекрасном французском языке», с радостью и благодарностью вспоминая один визит в Финляндию много лет тому назад и прося передать привет финскому народу [Речь 1917б; Nassan; A. G-s 1917b; Н. В.].

Потом наступила очередь министра Милюкова. От имени Временного правительства он приветствовал финских художников и восхвалял «борьбу финнов за культуру и свободу» [Н. В.; A. G-s 1917b]. Родичев, бывший опытным оратором, говорил «пламенно и сильно, что не пропало даром», о том, как финская борьба за свободу до сих пор всегда наталкивалась на русский кулак. Теперь, пообещал Родичев, настала совместная «борьба за свет и свободу». В конце своей речи он пожелал успехов «финскому освободительному труду и свободной России, на союзе которых молодое поколение построит новую культуру на основе права и свободы» [A. G-s 1917b; Н. В.]. Затаив дыхание, публика слушала комиссара по делам Финляндии и наградила его выступление бурными аплодисментами [A. G-s 1917b]. Финны сожалели, что на месте не было представителей политического руководства Финляндии [Н. В.].

Горький ограничился четырьмя финскими словами, нашептанными ему Галленом-Каллелой: “Eläköön Suomi! Rakastan Suomi!” [Gallen-Kallela-Sirén: 400]. Ээро Ярнефельт, хорошо знавший русский язык, ответил от имени финской делегации «несколькими теплыми словами» [Н. В.; Observator]. После него выступали Фигнер и художник Радлов. Попросил слова и Маяковский [Речь 1917б]. Что он сказал, мы не знаем, но вряд ли это была «приветственная речь финским художникам», как предполагает советский историк [Bondarenko: 14]. В духе футуристов Маяковский, по всей видимости, провоцировал присутствующих. В своем дневнике Сомов прокомментировал выступление Маяковского одним единственным словом — «скверно!» [Сомов: 176]. Добычина завершила отдел торжественных речей, благодаря Брешко-Брешковскую и целуя ей руки. «Это было знаком для нас финнов, — пишет Хаартман, — и мы столпились вокруг старой героини революции.



Под градом приветствий она обнимала и целовала нас» [А. G-s 1917b]. И Сомов был вовлечен в этот спектакль. Добычина толкнула его в объятия «бабушки русской революции», и та, предполагая, что перед ней — революционер, схватила за его голову и дважды поцеловала. Выхода не было, и Сомов горячо целовал руки Брешко-Брешковской [Сомов: 176].

Атмосфера была «наэлектризованная»; все казалось возможным. Характерными для господствующего безудержного проявления братства были комические недоразумения: например, удивительно похожих друг на друга Милюкова и Валлгрена неоднократно путали [Валлгрэн: 203; А. G-s 1917b]. Но не все присутствующие впали в экстаз, были и те, кто сумел взглянуть на повторяющиеся «перегибы» как бы со стороны. В эмиграции И. А. Бунин вспоминал о своем последнем визите в Петербург и об «истерически-подобострастных» речах его соотечественников на финской выставке [Бунин 1950: 53]. В дневнике он отметил, что «все просто умоляли финнов послать к черту Россию и жить на собственной воле: не умею иначе определить тот восторг, с которым говорились речи финнам по поводу “зари свободы, засиявшей над Финляндией”» [Бунин 1990: 50].

Три статьи в буклете выставки были написаны в том же «финнофильском» духе<sup>5</sup>. Бенуа повторил свои слова, что выставка состоялась в тот момент, когда контакты с Финляндией имели большое значение для русских. Свободная Россия нуждалась в опоре, и «такую опору дружбы могут дать именно финляндцы, их крепкая цельная культура, их здоровое, прочное, насквозь правдивое искусство» [Выставка: 7]. Своим искусством финны могли служить учителями и «целителями»:

Вот целый народ, который носит свободу в себе, которого не только не смогла сломить вся пыточная система нашей политики, но который прошел это испытание с тем ясным спокойствием, на которое способны лишь люди, обладающие силой чрезвычайной [Там же: 5–6].

---

<sup>5</sup> Статья Бенуа также опубликована в книге: [Бенуа 1968: 133–135].

Технике финские художники выучились за границей, но космополитическая культура и русское угнетение не смогли отрицательно повлиять на их природное, национальное чувство.

Горькому четырех слов уже не хватило, когда он в каталоге изливал свое восхищение Финляндией:

Финляндия, — страна гранита и озер, такая маленькая, бедная, хмурая, но — я не знаю страны, которая возбуждала бы у меня более нежное чувство любви, более глубокое уважение, чем она, Суоми! Нигде я не вижу с такой ясностью, не чувствую с такой убедительной силой величие человеческого духа, всепобеждающую мощь разумного труда. <...> Я уверен, что всякий кто хочет ясно представить себе красоту труда человеческого — должен внимательно вдуматься в то изумительное напряжение воли к жизни, которое обнаружил народ Суоми. Многому можно поучиться у этого народа, его молчаливая деловитость творит чудеса. Теперь, когда Финляндия свободна от гнета русской власти, с какой сердечной радостью я, русский, невольный угнетатель ее свободы, могу воскликнуть:

Да здравствует Финляндия!

Элякээн Суоми! [Выставка: 8].

Композитор В. Г. Каратыгин заключил свой исторический обзор русско-финских отношений утверждением, что «правда, свобода и красота», которые до сих пор присутствовали только в культурных связях, теперь должны проявиться также в политической и социальной сферах.

После речей настала пора познакомиться с самой выставкой. Носитель финского языка, если бы он пошел посмотреть картины с выставочным каталогом в руках, был бы поражен странными именами финских художников и искаженными топонимами. Многочисленные опечатки, которые “Hufvudstadsbladet” приписала пылкому пасхальному празднованию русских [A. G-s 1917a], были, правда, исправлены в отдельном списке, но все равно давали финнам повод для смеха и шуток.

Картины поместились в шести больших светлых залах. Ретроспективной коллекции из 25 картин Юхо Риссанена был отведен отдельный зал, а скульптуры располагались по всем шести залам. Стены были украшены ворсовыми коврами и

ткаными покрывалами «Орнамо» [Hbl 1917c], финская мебель дополняла общую картину [Речь 1917б]. Самый большой интерес у публики вызвали картины Саллинена, но они, к сожалению, не продавались [А. G-s 1917b; -г]. Вокруг Бенуа собралась одна группа посетителей, а центром другой был Бурлюк, тщательно рассматривавший выставленные работы сквозь свой лорнет [А. G-s 1917b]. То, что он видел, ему понравилось, и он тут же предложил совместную выставку русских футуристов и молодых финских художников в Москве. Но далеко не вся публика была довольна. В своем дневнике Сомов ограничился одним словом — «неинтересно» [Сомов: 176]. Галлен-Каллела считал уровень выставки низким [Gallen-Kallela-Sirén: 400]. Брешко-Брешковская быстро прошла все залы под руку с Юхо Риссаненом. С выставки ее вынесли на руках Каянус и другие финны под звуки «Марсельезы» и овации. На улице ее ждали автомашина и большая толпа зрителей, следивших за сценой, обнажив головы и со слезами на глазах [Н. В.; А. G-s 1917b].

После вернисажа финны посетили братские могилы на Марсовом поле, а потом наступило время надевать фраки и ехать на банкет. Вместе со скандинавской колонией Петрограда русские художники давали ужин в ресторане «Донон» (Мойка, 24). В семь часов длинный ряд дрожек и автомашин проехал во двор ресторана, и поток гостей стал подниматься по лестницам в красивые бело-золотые залы. Там их встретили знакомые лица:

У дверей мы наталкиваемся на всегда приветливого Каянуса, и немного подалее, посреди комнаты, стоит Максим Горький в своем длинном рединготе, делающем его более худым и менее крепким, чем мы представляли себе знаменитого писателя на основании известных портретов [А. G-s 1917c].

На банкете присутствовало 150–200 человек, «весь художественный и артистический Петроград» [Бурлюк: 97; Hassan]. Два длинных праздничных стола были украшены красными тюльпанами. Почетные гости Милюков и Родичев сидели друг против друга. Политическую сферу представляли также

В. Д. Набоков и Морис Палеолог, французский посол. За министерским столом сидели «высокий, смуглый, гениальный» Галлен-Каллела [Бурлюк: 97], Риссанен, Ярнефельт, Валлгрэн, Горький и Бунин. Между Бенуа и В. Нувелем, деятелем «Мира искусства», сидел Сомов, напротив них — Прокофьев, И. Я. Билибин со своей супругой, керамисткой Рене О'Коннель-Михайловской, Рерих и график Г. И. Нарбут [Сомов: 176]. Группа футуристов, к которой примыкал поэт и художник И. М. Зданевич [Катанян: 426–427], была рассажена подальше от почетных гостей.

На столах в «Дононе» — икра и, несмотря на военный сухой закон, стаканы наполнялись водкой и вином. Были произнесены речи на темы «свободы, культуры, братства» [Сомов: 176]. Первым начал Милуков. В своей «блестящей» речи он подчеркивал, что финны, несмотря на царский гнет, всегда были лояльными и, соответственно, всегда были окружены любовью и уважением лучших представителей русского народа. В конце своего выступления министр пожелал, чтобы финны забыли все то плохое, что сделала царская власть. Финны встретили призыв Милукова к политическому сотрудничеству «искренними и бурными аплодисментами» [А. G-s 1917с]. Каянус ответил «мужественной и красивой речью», закончив ее словами «Да здравствуют свободная Россия и свободное русское искусство» [Hassan]. Когда эти слова прозвучали в русском переводе, весь зал разразился бурей аплодисментов.

Потом выступали Родичев, Каянус, Саллинен. Вдохновенная французская речь Вилле Валлгрэна неоднократно прерывалась громкими возгласами одобрения. Вийви Паармио произнесла речь, адресованную русским женщинам, и Юхо Риссанен поднял тост за Добычину. Бакманссон пишет, что «даже футуристы, снабженные моноклями и лорнетами, вставали, чтобы выступать», очевидно, подразумевая Бурлюка и Брика [Н. В.]. «Энтузиазм возрастал, и оратор выходил за оратором» [А. G-s 1917с]. Военный оркестр играл по очереди «Марсельезу» и «Марш Бьернеборгского полка».

Вечер закончился пожатиями рук, объятиями, поцелуями: «Идея дружбы и добрососедских отношений мигом осуществ-

вилась» [А. G-s 1917с]. Вийви Паармио видела, как ее будущего мужа Валлгрена носили на скрещенных руках, а Галлена-Каллелу бросали в воздух, как мяч: «Мы боялись, что он упадет на пол» [Vallgren: 204]. Лицо Риссанена стало мокрым от поцелуев Горького. Риссанен в свою очередь пытался выразить свои теплые чувства в адрес Бенуа. Тот написал в своем дневнике:

Громадный, тяжелый, вдрызг пьяный, Риссанен<sup>6</sup> все лез на меня и изъяснялся в какой-то страстной, граничащей с раболепством, любви. Я несколько раз вырывался из его объятий, но он снова вцеплялся в меня, требуя, чтоб я непременно плюнул ему в лоб, в чем он почему-то видел единственный способ подтвердить мое к нему расположение или, вернее, мое «согласие на его поклонение»!.. [Бенуа 2003: 188].

На банкете присутствовал и Бунин, который здесь, так же как и на вернисаже, чувствовал себя единственным нормальным человеком. В его восприятии весь банкет был «пиром во время чумы». Везде в Петрограде и особенно на «Выставке финского искусства» москвич Бунин видел признаки приближающегося конца: «И, Бог мой, до чего ладно и многозначительно связалось все то, что я видел тогда в Петербурге, с тем гомерическим безобразием, в которое вылился банкет!» [Бунин 1950: 53]. В роли главного демона на банкете он видел Маяковского. Якобсон вспоминает, что Маяковского попросили почитать свои стихи. Прочитав несколько стихотворений, он заявил, что будет читать стихи своего друга Брика. Тот сильно смутился, так как сам он не считал себя поэтом [Jangfeldt: 33]. По мнению Добычиной, Маяковский был «редким деликатесом», и она привела его к Горькому, который сразу предложил молодому футуристу «дружбу и любовь». Рядом с ними сидел Бе-

---

<sup>6</sup> Редакторы дневника Бенуа, не узнавшие фамилию знаменитого финского художника Риссанена (1873–1950), называют его «Риссапек». Чтобы скрыть свое незнание, они решили включить это мифическое лицо в алфавитный указатель, придумав ему имя и годы жизни: «Риссапек Энгель (1870–1925) — финский художник» [Бенуа 2003: 682].

нуа, явно восхищаясь другим футуристом, Зданевичем [Катанян: 426–27].

Бунин, однако, вспоминает и другой инцидент. В начале ужина он беседовал с Горьким и Галленом-Каллелой, когда вдруг Маяковский незваным присоединился к их компании, поставил свой стул между их стульями, начал есть с их тарелок и пить из их стаканов. Галлен-Каллела глядел на Маяковского так, «как глядел бы он, вероятно, на лошадь, если бы ее, например, вели в этот банкетный зал». Горький громко хохотал над затеями футуриста. Когда Бунин хотел отодвинуться, Маяковский весело спросил его: «Вы меня очень ненавидите?». Бунин ответил, что нет, не ненавидит: «Слишком много чести было бы вам!» [Бунин 1950: 54].

Именно в этот момент Милюков поднялся, чтобы предложить официальный тост. Маяковский ринулся к министру, вскочил на стул и начал так «похабно» кричать, что Милюков запутался в своих словах. Через минуту он сделал новую попытку, но Маяковский не сдался, а, наоборот, закричал так громко, что Милюков решил на время отказаться от всяких речей. Тогда встал французский посол, уверенный, что никакой русский «хулиган» не посмеет ему помешать. Но Маяковский продолжал шуметь. Затем и другие футуристы присоединились к хору: они топали ногами, били кулаками по столу, стали «хохотать, выть, визжать, хрюкать» [Там же].

Из присутствующих только Бунин рассказывает об этом хулиганстве. Журналист Хаартман видел инцидент, но упоминает его только мимоходом и в слегка шутовском тоне: «...временами бойкий футурист вскакивал на свой стул и пытался во весь голос заглушить гул голосов» [А. G-s 1917с]. Другой финн, судя по описанию — Вилле Валлгрэн, был глубоко потрясен поведением Маяковского. Бунин пишет:

И вдруг все покрыл истинно трагический вопль какого-то финского художника, похожего на бритого моржа. Уже хмельной и смертельно бледный, он, очевидно, потрясенный до глубины души этим излишеством свинства, стал что есть силы и буквально со слезами кричать одно из русских слов, ему известных:

— Много! Много! Многоо! [Бунин 1950: 54–55].

Поведение Маяковского можно истолковать как протест футуриста против пустопорожной праздничной риторики и ненавистных ему буржуазных политиков. В глазах Бунина сцена была предвестием победы хамства и черни, и вопль потрясенного финна был здоровой реакцией на неудержимую русскую «свободу».

Но и финские гости «отличились» в течение вечера. Якобсон вспоминает, как его попросили быть переводчиком в беседе Горького и какого-то «знаменитого финского архитектора», говорящего только по-французски. Оба уже успели выпить достаточно много. Финн попросил Якобсона перевести его слова Горькому: “*Tout le monde pense que vous êtes un génie — génie — et moi, je vous dit: vous êtes un imbécile. Traduisez, mais traduisez exactement! Non, non, non, vous ne traduisez pas comme j’ai dit! Imbécile, comment se dit ça en russe?*”<sup>7</sup> [Jangfeldt: 32].

Около полуночи большая компания поехала в кабаре «Привал комедиантов», расположенный в подвале того здания, где находились и квартира Добычиной, и ее художественный салон. Зеленый фонарь освещал путь вниз в подвальное помещение, стены которого были расписаны художниками «Мира искусства». По Каянусу, программа была «замечательно остроумной и забавной» [Hassan]. Сидели за длинными столами, пили чай, ели конфеты и курили до самого утра [A. G-s 1917c; -г]. Горький тоже поехал в кабаре. Бурлюк вспоминает, что он был весел и шутлив, но за его шутками чувствовались придирчивость и желчность, может быть из-за его слабого здоровья и выпитого [Бурлюк: 97]. Сам Бурлюк ушел посреди вечера и поехал на Финляндский вокзал, куда в тот же вечер Ленин должен был приехать из эмиграции. Вернувшись в «Привал комедиантов», Бурлюк передал Маяковскому и Брику свои впечатления от большевика: «Кажется, сумасшедший, но страшно убедительный» [Jangfeldt: 33].

---

<sup>7</sup> «Весь мир считает, что вы гений — *genii* — но я вам скажу: вы — *imbécile*. Переводите, но переводите дословно! Нет, нет, нет, вы не так переводите! *Imbécile*, как это будет по-русски?»

Программа финских гостей на этом не закончилась. Последовала целая «финская неделя», во время которой русские хозяева словно соревновались в гостеприимстве. Во вторник посещали Музей Александра III (теперь Русский музей) в сопровождении директора, вечером слушали «Гугенотов» Дж. Мейербера в Мариинском театре. К удивлению финнов, их посадили в царскую ложу, причем Каянус, Галлен-Каллела, Ярнефельт, Валлгрэн и барон Бруун попали в первый ряд. Во время первого антракта Шмаков, сидевший в министерской ложе, встал, поприветствовал финских гостей и предложил прокричать «ура», и зал, стоя, последовал его призыву. Каянус рассказал журналисту о ситуации, в которую попали он и его друзья:

В тот миг тысячи глаз обратились на нас, аплодировали, махали платками. Момент был критический, и так как надо было ответить, я подошел к перилам ложи и поблагодарил по-фински от имени моих соотечественников, и в конце моей краткой речи я сказал по-русски «да здравствует свободная Россия». Новые шумные овации, оркестр заиграл «Марсельезу» [Hassan].

Снова и снова финнам приходилось кланяться публике [А. G-s 1917с; -г].

После оперы все финны и несколько русских художников были приглашены в напоминающую дворец квартиру Браза на Мойке. Валлгрэн обратился с французской речью к хозяевам и присутствующим русским художникам [Hassan]. Хаартман стал обсуждать, как потом у себя в Финляндии ответить на гостеприимство русских художников [А. G-s 1917с].

На следующий день они посетили Эрмитаж в сопровождении его директора, гр. Д. Толстого, и Бенуа. Галлен-Каллела и Каянус получили от Ф. И. Шаляпина личное приглашение в Народный дом на «Бориса Годунова» в тот же вечер. Каянус был в восторге от исполнения Шаляпина:

Я и раньше много раз слышал и видел Шаляпина и вообще много видел и слышал в этом мире, но никогда и нигде я не слышал и не видел ничего подобного Борису, исполненному Шаляпиным в тот вечер. Он прямо превзошел самого себя [Hassan].



После оперы Бенуа пригласил финских гостей к себе домой на ужин. Присутствовали и Риссанен, и Энкель, и «какой-то бородатый генерал в форме», и «сам грандиозный, красивый “героический” Галлен-Каллела, который покорила сердца всех наших дам и девиц» [Бенуа 2003: 188]. После обеда танцевали, притом «плясовая прыть» Галлена произвела большое впечатление на русских. «И у нас все финны сильно подвыпили», — записал Бенуа [Там же] в своем дневнике.

В пятницу пора было отправляться в обратный путь. Неделя в большом городе, сердечный прием и бесконечное чествование произвели на гостей глубокое впечатление. «Мы чувствовали себя пчелами, купавшимися в нектаре», — вспомнила Вийви Паармио, теперь уже Валлгрэн [Vallgren: 205]. Кавену даже стало неловко: «...все что было, одним словом, так великолепно, что стало стыдно» [г].

Постепенно в печати стали появляться отзывы о выставке. М. Грушевский из «Биржевых ведомостей» озаглавил свою статью так: «Торжество финского искусства» [Observer]. В том же духе Вл. Денисов воскликнул в газете «День»: «Элякээн Суоми!» [Денисов 1917а] Комментируя отношение финских художников к французскому импрессионизму — а во многих случаях влияние было очевидное — Грушевский, Денисов [Денисов 1917б] и А. А. Ростиславов из «Речи» считали, что технические навыки, приобретенные вне родины, не составляют угрозы, а, наоборот, создают плодородную почву для чисто народного искусства [US 1917b]. Финляндское искусство было целостным и здоровым и в то же время изысканным [Observer]. Денисов [Денисов 1917б] согласился со словами из каталога: финны многое могли дать русским. Его список вызывавших восхищение финских народных черт был длинным: здоровый дух, спокойствие, созерцательность, строгость, скромность, честность, самообладание.

Зато Бенуа был явно смущен после больших ожиданий и громких приветственных слов. Ему пришлось признать, что выставка, в конце концов, получилась не такой интересной, как он ожидал. «Выставка была такая скромная, тихая, чуть-чуть серая и тусклая», — жаловался он в горьковской «Новой

жизни» [А. Б.]. Но, с другой стороны, она имела чисто художественный характер, в ней не было ничего провинциального или безвкусного.

Сходными выражениями искусствовед Л. И. Пумпянский в журнале «Аполлон» пытался смягчить свой, в общем, суровый приговор. Выставка, мол, была культурной, на европейском уровне и далека от «русского варварства», но, с другой стороны, видны были боязнь нарушить границы и нехватка индивидуальности. Самым радикальным на выставке был Алвар Кавен, но и его «футуристические эксперименты» показались русскому критику наивными.

Критик журнала «Столица и усадьба», скрывшийся под псевдонимом С. К., поставил представительность выставки под вопрос: «Это, скорее, финский “Мир искусства”, старающийся показать нам, что и Suomi вполне в курсе всех последних европейских течений». На самом деле не хватало творческого воображения и индивидуальности. Общее впечатление было удручающим: «Грязная гамма серых, тусклых тонов и унылые мотивы по преимуществу пейзажного характера — таков общий колорит выставки» [С. К.: 15].

Наиболее негативный отзыв поместил А. Левинсон, известный театральный и балетный критик, в горьковской «Летописи». Он отказался согласиться с Бенуа в том, что русские художники должны учиться у финнов: «Необдуманные слова самоунижения, сорвавшиеся на радостях» [Левинсон: 365]. Напротив, выставка показала, что финляндская школа живописи уже не могла дать никаких образцов и примеров русским. Финские и русские художники следовали традиции нового западного искусства. И, строго говоря, на самом деле русские уже давно оставили далеко позади своих неторопливых попутчиков. Добросовестные, упорные и осторожные финны действительно были свободны от русского «хаоса» и «надрыва», все было как надо, все — гармонично, но это им не пошло на пользу: «Среди тиши да глади финского искусства нет места для нашей жажды и нашего беспокойства» [Левинсон: 371].

Пумпянский и Левинсон объясняли упадок финского искусства следствием потери национальной идентичности. Ко-

гда «патриотический период» достиг своего самого высшего пика, молодые художники начали ездить в Париж и искать вдохновения у французского импрессионизма, попав в зависимость от иностранных образцов. Процесс европеизации привел к разрыву с национальной традицией. Как видим, выводы Пумпянского и Левинсона были строго противоположны взглядам Грушевского, Денисова и Ростиславова.

«Выставка финского искусства» закрылась 10 (23) мая 1917 г. Можно было констатировать, что успех выставки, несмотря на грандиозное открытие и широкую рекламу, оказался скромным. Если число посетителей в первые дни составляло около 3 000 человек в день, то вскоре оно упало до 20–30. Владелец гельсингфорской галереи, Гёста Стенман, посетивший Петроград в мае, узнал, что продажа художественных произведений после первого порыва сильно уменьшилась. В первый день продали десять работ, в том числе картины Риссанена, Коллина, Кавена, Энгберга, Аланко, Сакселина, Каасинена и Теслефф [A. G-s 1917b; -r]. Однако музею Александра III пришлось отказаться от своих планов купить картины Ярнефельта, Риссанена и Саллиненена, так как обещанные ассигнования Временного правительства так и не были выделены. Первоначально боялись, что помешает царившее на художественном рынке затишье из-за мировой войны и революции, но теперь и быстро ослабевшие финско-русские политические контакты отрицательно влияли на ее успех [V-r].

Мадам Добычина не могла не разочароваться в своих надеждах, но все-таки хотела верить, что на волне возникшего интереса можно было бы устроить ежегодные финские выставки в Петрограде [Там же]. Из этого ничего не вышло, и окно в Финляндию опять закрылось на долгое время. Предложение Добычиной организовать большую выставку из 350 картин «Мира искусства» в «Атенеуме» осенью 1917 г. также не осуществилось [Strengell; Hbl 1917d]. «Атенеум» не купил ничего из нового русского искусства, как советовал, например, Веннервирта. Бурлюк не устроил совместной выставки в Москве, и Гёсте Стенману пришлось забыть о своих планах открыть финский художественный салон в Петрограде [Hbl

1917г]. Вилле Валлгрэн не успел обогатиться от продажи тысяч статуэток и профильных плакатов Брешко-Брешковской, несмотря на то, что он уже в петроградском ателье успел вылепить голову революционной героини [Vallgren: 204; Hbl 1917h; DP 1917c]. Чувство благодарности и финско-русская дружба забылись, когда русские хозяева, один за другим, исчезли с арены истории. Осталась лишь память об уникальном празднике свободы и кратковременном финско-русском братстве в области культуры, что удачно выразила Вийви Валлгрэн: «Боже мой, дым был коромыслом! Нетрудно представить себе результат встречи русских и финских художников. Ох, как это было весело!» [Валлгрэн: 204].

#### ЛИТЕРАТУРА

- А. Б.: *А. Б. <Бенуа Александр>*. Финская выставка // Новая жизнь. 1917. № 11. 30 апреля.
- Бенуа 1917: *Бенуа А.* Привет финляндцам. Художественные письма // Речь. 1917. № 65 [17 марта].
- Бенуа 1968: *Бенуа А.* Александр Бенуа размышляет. М., 1968.
- Бенуа 2003: *Бенуа А.* Мой дневник 1916–1917–1918. М., 2003.
- Бунин 1990: *Бунин И.* Окаянные дни: Под серпом и молотом. Рига, 1990.
- Бунин 1950: *Бунин И. А.* Воспоминания. Париж, 1950.
- Бурлюк: *Бурлюк Д.* Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения. СПб., 1994.
- Выставка: Выставка финского искусства. СПб., 1917.
- Денисов 1917а: *Денисов В.* Элякээн Суоми! К выставке финского искусства // День. 1917. № 28 [8 апреля].
- Денисов 1917б: *Денисов В.* Выставка финского искусства // День. 1917. № 32 [13 апреля].
- Катанян: *Катанян В.* Маяковский. Литературная хроника. М., 1956. 3-е изд.
- Казанская: *Казанская Л.* Весною, в доме Адамини... Финская выставка в апреле семнадцатого // Невское время. 1993. 27 мая.
- Левинсон: *Левинсон А.* Пути финского искусства. Заметки по поводу «Выставки финского искусства» // Летопись. 1917. № 2–4. С. 364–371.

- Observer: *Observer* <Грушевский М. С.>. Торжество финского искусства // Биржевые ведомости. 1917. № 14168 [6 апреля].
- Пумпянский: *Пумпянский Л.* Современное финское искусство. Выставка в бюро Добычиной // Аполлон. 1917. №№ 4–5. С. 75–84.
- Речь 1917а: Выставка финского искусства // Речь. 1917. № 76 [31 марта].
- Речь 1917б: Торжественное открытие выставки финского искусства // Речь. 1917. № 78 [5 апреля].
- С. К.: *С. К.* Петроградская выставка финского искусства // Столица и усадьба. 1917. № 80. С. 15–16.
- Сомов: *Сомов К. А.* Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979.
- А. G-s: *A. G-s* <Haartman, Axel>. De finländska konstnärerna och den “Finska veckan” i Petrograd // Hufvudstadsbladet. 1917. № 105: а [20 апреля], № 106: б [22 апреля], № 107: с [25 апреля].
- Bondarenko: *Bondarenko V.* Gallen-Kallela venäläisin silmin // Taide. 1978. № 3. С. 10–14.
- DP 1917а: Lyckönskningstelegram // Dagens press. 1917. № 70 [24 марта].
- DP 1917б: Antti Favéns utställning // Dagens press. 1917. № 90 [20 апреля].
- DP 1917с: Medaljon af Breschko-Breschkovskaja // Dagens press. 1917. № 105 [9 мая].
- Gallen-Kallela-Sirén: *Gallen-Kallela-Sirén, Janne.* Minä palaan jalanjäljilleni. Akseli Gallen-Kallelan elämä ja taide. Keuruu, 2000.
- Hassan: *Hassan.* Suomalainen taidenäyttely Pietarissa. Innostunut juhla-mieliala avajaisissa, sydämellisiä kunnian- ja ystävydenosoituksia venäläisten puolelta. Prof. Robert Kajanus kertoo // Uusi Suometar. 1917. № 106 [21 апреля].
- Н. В.: *Н. В.* <Backmansson Hugo>. De finländska konstnärernas utställning // Fyren. №№ 9–13. С. 34.
- Hbl 1916а: Planen på en finländsk Petrograd-exposition // Hufvudstadsbladet. 1916. № 214 [10 августа].
- Hbl 1916б: Finsk skulpturutställning i Petrograd // Hufvudstadsbladet. 1916. № 265 [30 сентября].
- Hbl 1917а: Finlands och Rysslands konst // Hufvudstadsbladet. 1917. № 89 [2 апреля].
- Hbl 1917б: Finsk konst till Ryssland. Hvad man säger i ryska konstnärskretsar // Hufvudstadsbladet. 1917. № 92 [5 апреля].
- Hbl 1917с: Den finska konstutställningen i Petrograd // Hufvudstadsbladet. 1917. № 94 [8 апреля].

- Hbl 1917d: Stor rysk konstutställning i Helsingfors i höst // Hufvudstadsbladet. 1917. № 97 [11 апреля].
- Hbl 1917e: Den finska utställningens öppnande i Petrograd // Hufvudstadsbladet. 1917. № 104 [19 апреля].
- Hbl 1917f: Den finländska utställningen i Petrograd // Hufvudstadsbladet. 1917. № 107 [22 апреля].
- Hbl 1917g: Stenmans konstsalong öppnar exposition i Petrograd // Hufvudstadsbladet. 1917. № 107 [22 апреля].
- Hbl 1917x: Ett nytt verk af Ville Vallgren // Hufvudstadsbladet. 1917. № 111 [26 апреля].
- HS 1917a: Suomen taidenäyttely Pietarissa. Päätetty asia // Helsingin Sanomat. 1917. № 87 [30 марта].
- HS 1917b: Suomalaisen taidenäyttelyn awaus Pietarissa // Helsingin Sanomat. 1917. № 106 [21 апреля].
- Jangfeldt: *Jangfeldt Bengt* [ed.]. Jakobson-budetljanin. Sbornik materialov. Acta Universitatis Stockholmiensis. Studies in Russian literature 26. Stockholm, 1992.
- K. C.: K. C. Ett uttalande om den finländska konsten // Dagens Press. 1916. № 215 [16 сентября].
- r: -r. Suomalaiset taiteilijat Pietarissa. Suurenmoinen vastaanotto // Helsingin Sanomat. 1917. № 109 [24 апреля].
- Reitala: *Reitala Aimo*. Ystävyyttä politiikan varjossa. Johdatusta Venäjän/Neuvostoliiton ja Suomen kuvataidesuhteiden historiaan // Taide. 1979. № 6. С. 4–11.
- SK: SK. Suomalaisen taiteilijan näyttely Pietarissa // Suomen kuvalehti. 1917. № 19. С. 266.
- Strengell: *Strengell Gustaf*. Den finländska Petrograd-expositionen. Arkitekt Strengell redogör för planens uppkomst // Hufvudstadsbladet. 1916. № 206 [2 августа].
- US 1917a: Suomalainen taidenäyttely Pietarissa // Uusi Suomi. 1917. № 105 [20 апреля].
- US 1917b: Suomen taiteen näyttelystä Pietarissa // Uusi Suomi. 1917. № 118 [4 мая].
- V-r: V-r. Finländsk konst i Petrograd // Hufvudstadsbladet. 1917. № 145 [1 июня].
- Vallgren: *Vallgren Viivi*. Sydämeni kirja. Elämän muistelmia. Porvoo-Helsinki, 1949.
- Wennerwirta: *Wennerwirta L.* Suomalainen taidenäyttely Pietariin. Näyttely awataan lähimmässä tulevaisuudessa // Turun Sanomat. 1917. № 3751 [4 апреля].